DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-18-26

В.Е. Угрюмов[1], С.В. Ковыршина[2]

[1] Новосибирский государственный технический университет, 630073 г. Новосибирск, Российская Федерация

[2] Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказания, 654000 г. Новокузнецк, Российская Федерация

Возможности нарратива в «Очерке зимнего дня» С.Т. Аксакова

Аннотация. Цель статьи – анализ «Очерка зимнего дня» С.Т. Аксакова как автобиографического произведения. При этом автобиография выступает как философско-литературное произведение, о чем подчеркивают неоднократно исследователи творчества С.Т. Аксакова. Акцентируется внимание на особенностях литературного стиля автора, определяя тем самым его своеобразие. Выявляются особенности одного из жанровых способов – нарратива как особого метода организации текста. Благодаря нарративу появляется возможность обосновать даже небольшой отрезок жизни человека, условия его проживания, значимость событий, его наполняющих, упорядочивание их во времени. Данный метод зачастую используется биографами, писателями, историками, мемуаристами для создания более аутентичной картины мира, в которой происходили те или иные события. Нарратив не просто регистрирует события, он констатирует их и интерпретирует их как значимые части осмысленного целого. С его помощью мы можем дать объяснение дальнейшей судьбы автора. С.Т. Аксаков не просто описал природу: он передал свои эмоции и размышления, акцентируя внимание на том, что любование природой – процесс бесконечный, об этом можно вспоминать постоянно. Показано, что герой произведения – охотник, при организации своих действий в течение одного дня (по воспоминаниям эмоционально окрашенным) дает оценку всей своей жизни, выстраивая в определенной последовательности эти события, вплетая в них онтологические картины живущих с ним рядом. Резюмируется, что благодаря нарративу появляется возможность проанализировать процесс самоидентификации, понимания себя и осознания своего места в мире.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, нарратив, антропологическое знание, автобиография-воспоминание, художник-наблюдатель, невербальные средства коммуникации, организация авторского повествования, художественная ассоциация

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Угрюмов В.Е., Ковыршина С.В. Возможности нарратива в «Очерке зимнего дня» С.Т. Аксакова // Литература в школе. 2023. № 1. С. 18–26. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-18-26

© Угрюмов В.Е., Ковыршина С.В., 2023

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-18-26

V.E. Ugryumov[1], S.V. Kovyrshina[2]

[1] Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

[2] Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, 654000, Russian Federation

The narrative options in "Essays of a Winter Day" by S.T. Aksakov

Abstract. The article aims to analyze S.T. Aksakov's "Essay of a Winter Day" as an autobiographical work. At the same time, the autobiography acts as a philosophical and literary work, which is repeatedly emphasized by researchers of S.T. Aksakov's oeuvre. Attention is focused on the peculiarities of the author's literary style determining its originality, thereby. The features of one of the genre methods – narrative, as a special method of the text organization, are revealed. Thanks to the narrative, it becomes possible to justify even a small segment of a person's life, the living conditions, the significance of the events that fill one, their time sequencing. This method is often used by biographers, writers, historians, and memoirists to create a more authentic picture of the world, in which certain events took place. The narrative does not just register events, it states them and interprets them as significant parts of a meaningful whole. With its help, we can explain the further life of the author. S.T. Aksakov did not just describe nature: he conveyed his emotions and reflections, emphasizing the fact that admiring nature is an endless process, it can be remembered constantly. It is shown that the protagonist, who is a hunter, when organizing his actions during one of his days (according to the emotionally colored recollections), gives an assessment of his whole life, building these events in a sequence determined only by him, weaving into them ontological pictures of those people, who live next to him. It is summarized that, thanks to the narrative, it becomes possible to analyze the process of self-identification, self-understanding and awareness of one's place in the world.

Key words: S.T. Aksakov, narrative, anthropological knowledge, autobiographical memoirs, artist-observer, non-verbal means of communication, managing the author's speech, an artistic association

CITATION: Ugryumov V.E., Kovyrshina S.V. The narrative options in "Essays of a Winter Day" by S.T. Aksakov. *Literature at School*. 2023. No. 1. Pp. 18–26. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-1-18-26

С творчеством С.Т. Аксакова многие знакомы с раннего детства: сказки, мультфильмы по мотивам его произведений. Не осталось в стороне и школьное образование. На уроках литературы изучаются отдельные факты жизни и творчества писателя, учитель обращается к фрагментам его произведений (например, «Детство Багрова-внука», воспоминания писателя о Н.В. Гоголе), обучающиеся знакомятся с жанром очерка, анализируют его стилистические особенности. Именно очерк, по нашему мнению, обладает большой силой педагогического воздействия, способен вызвать более эмоциональную ответную реакцию читателя.

Учитывая инвариантность педагогической деятельности, мы отталкиваемся от ее связующего начала – антропологического знания. Анализируя его методологические основания, необходимо подчеркнуть важность использования его потенциала в образовательном процессе. Именно антропологическое знание, транслируясь в различных вариантах, помогает формированию навыка учащихся мыслить в широком междисциплинарном и межкультурном поле знаний.

Как показывает история мировой художественной культуры, человек познавал и объяснял себя в мире на разных этапах общественного развития по-разному. Но каждый раз это был не односторонний взгляд, а попытка всестороннего, комплексного подхода с каким-либо акцентом, исходя из духа эпохи. И это не могло не найти отражения в образовательных и педагогических практиках. Транслируемые знания довербального, экзистенциального характера сложны для рефлексии, но без них невозможно гарантировать как целостное постижение человека, так и знаний о нем.

Так, в современном образовательном пространстве практически отсутствует забытый и оставленный со времен Коперника метод созерцания, дающий возможность непосредственного проникновения в сущность какого-либо явления в некотором смысле даже глубже, чем путем логики. Еще средневековый Дионисий Ареопагит отмечал, что созерцание несомненно может быть полезно для познания в целом. «Получив огромное количество... знаний, фактологического и аналитического материала, мы, – пишет Б.В. Раушенбах, – испытываем недостаток этого древнего алогичного, образного, поэтического мировосприятия, которое по-своему представляет мир» [7, с. 111]. Эта составляющая человеческого сознания играет большую роль и в сфере человеческих ценностей, например, в проявлениях милосердия, которое должно быть основано на чувстве, а не на рациональных размышлениях. Поэтому представляется необходимым уделить внимание изучению окружающего нас мира в образах, метафорах, аллегориях.

Не удивительно, но именно наличие интуитивно-образного познания многие исследователи связывают со спецификой гуманитарного знания.

Обоснование жизни человека, условий его существования происходит с помощью нарратива – метода, который используется для описания событий, упорядочивая их во времени. Необходимо подчеркнуть, что нарратив как метод стал предметом изучения только в XX в. Воспоминания, исповеди, автобиографии создавались по определенным

канонам, которые позже исследователи назовут нарративом. Для более четкого отражения той или иной жизненной истории, аутентичности событий внешнего мира и субъективных переживаний автора этот метод стал использоваться биографами, писателями, историками, мемуаристами. «Нарратив означает организацию материала в порядок хронологического следования, образующий единый связный рассказ, хотя и со вторыми планами» [6, с. 111]. Схожее определение дает и Л. Гриффин, представляя нарратив особым изображением, описанием какого-либо социального феномена, разворачивающимся во времени, последовательным и упорядочивающим. Это рассказ с открытым финалом, «дополненный сопутствующими обстоятельствами и условиями» [Там же]. Нарратив для нас выступает способом, посредством которого происходит индивидуализация Я и идентификация действий личности. Нарратив заполняет все наше социокультурное пространство, мы даем нарративное описание самих себя и окружающих. Он позволяет нам осознать то, кем люди являются [8, с. 100]. Таким образом, под нарративом мы понимаем, прежде всего, языковой акт, представляющий вербальное изложение и содержащий в своей основе повествование от лица того, кто сообщает или рассказывает.

Показать возможности нарратива как способа реализации антропологического знания мы считаем возможным на примере «Очерка зимнего дня» С.Т. Аксакова, который, безусловно, является жемчужиной творчества писателя [3, с. 24; 4, с. 348].

Каждая фраза, каждый образ здесь сверкают подлинной, могучей поэтической красотой. Это небольшое произведение – словно эстетическое завещание, продиктованное автором в декабре 1858 г., за четыре месяца до смерти. Головокружительная простота и точность созданной художником картины завораживают, и возникает желание рассмотреть то, как же это удается писателю.

Необходимо помнить, в каких условиях появился «Очерк». Тяжелобольной Аксаков незадолго до смерти надиктовал воспоминания о зимнем дне своей дочери. Уже только поэтому мы можем говорить об «Очерке» как автобиографии-воспоминании. Знания условий создания произведения позволяют «вступить» в силу невербальным средствам коммуникации между современным читателем, слушателем и рассказчиком. Воображение рисует прикованного к постели человека, на лице которого – живая улыбка от воспоминания и проживания событий далеких дней.

По организации авторского повествования и по индивидуальным художественным ассоциациям текст очерка делится на две части. В первой «авторское повествование ведется в третьем лице и конкретный его субъект не обозначен» [2, с. 272]. Автор – невидимый нам наблюдатель «сверху». Он объективно и художественно описывает морозные дни конца декабря 1813 г., которые «красны, ясны и тихи», «короткие, похожие как две капли воды, один на другой» [1, с. 464]. Для создания образа морозного дня автор использует «потрескивающие», «поскрипывающие», «повизгивающие» краткие прилагательные: «воздух был сух, тонок, жгуч, пронзителен…» [Там же]. Словно данные прилагательные, как все живое, как «вода, взброшенная

вверх из стакана», после произношения возвращаются «оледенелыми брызгами и сосульками» [1, с. 464]. Страдательное причастие «взброшенная», которое Аксаков построил как своеобразный неологизм, употребив довольно редкую неполногласную форму приставки «воз-вз», сгущением трех звонких, словно смерзшихся согласных, переходящих в рокочущее, вздрагивающее от холода «бр», несомненно расширяет звуковую организацию предложения.

Все в природе сворачивается, околевает, погружается в смерть до весеннего воскрешения. Даже «ртуть застыла и опустилась в стеклянный шар» [Там же], будто спряталась, затаилась на время от холода. Даже ветер приуныл от мороза, «ветер совсем упал», и «птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченелою» [Там же]. Продолжительность и тоскливость морозных дней, когда «много хворало народу от жестоких простуд и воспалений», Аксаков ассоциирует с однообразным движением солнца («вставало» – «ложилось») и его человеческой простудной воспаленнностью: «Солнце вставало и ложилось с огненными ушами» [Там же]. И как христианский крестик над кроватью больного, «месяц ходил по небу, сопровождаемый крестообразными лучами» [1, с. 463]. Присутствие людей выражено неопределенно-личными предложениями: «С трудом пробивали пешнями и топорами проруби на пруду…» [Там же]. Но вот появляются крестьяне, которые «начинают охать и бояться, что корму, пожалуй, не хватит и до Алексея Божьего человека» [1, с. 464]. Опасаясь бескормицы, крестьяне забивают лишнюю скотину, но излишек «свежинки» в зимнем питании порождал болезни, «и стали ее опасаться». Срабатывал не только инстинкт самосохранения, но и чувство меры, свойственное народу. Поэзия обыденной жизни простых людей, немного замедленная в звенящем морозном воздухе, соотносится с памятными днями святых и праздниками.

Автор постепенно приближается, спускается «сверху» в действительность. К середине очерка все более усиливается его голос, выражающий эстетическую позицию и особый субъективный взгляд художника-наблюдателя, который и в скованной лютою стужей природе видит сияющую, «безвредную» красоту: «Великолепен был вид зимней природы. Мороз выжал влажность из древесных сучьев и стволов, и кусты и деревья, даже камыши и высокие травы опушились блестящим инеем, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая их только холодным блеском алмазных огней» [Там же]. В этом оледенелом мире только душа человека остается живой: «Как-то невесело, беспокойно становилось на душе, да и народ приуныл» [Там же].

Говоря об «унынии» и бедах, принесенных морозом, Аксаков интонационно перекликается с пушкинской характеристикой русского бунта, «бессмысленного и беспощадного»: «Болезни, безветрие, бесснежие <…> бескормица для скота. Как тут не приуныть?» [Там же]. И молились крестьяне о снеге, как в летнюю сушь и зной молятся пророку Илье о дожде. «И вот, наконец, пошли косички по небу», несмелые детские облака, «потянул западный ветер», и пошел редкий снег. «Радостно смотрели крестьяне на порхающие <…> снежинки, которые, сначала порхая и кружась, опускались

на землю» [1, с. 464]. Дважды употребив слово «порхали», автор подчеркивает легкость и благодатность вымоленного снега. «Снег начал идти с деревенского раннего обеда» [Там же]. Жгучий мороз, свойственный и Николину дню и дням Рождественского поста, в бесснежную зиму приносит голод, и крестьяне усердней молятся о тепле и снеге. Снег начинает идти в час деревенского обеда, веселого, теплого, сытного, как бы предвещая доброе урожайное лето. Мир наполняется движением. Снег как податель тепла и жизни, порхающий и желанный, приносящий радость, является ключевым словом очерка.

Мы видим, как с помощью нарратива происходит организация переживания социального времени, биографического времени, что дает возможность глубже понять смысл произведения на основе творческого мышления автора. Сюжет «Очерка» представляет собой нарратив как процесс превращения единичных событий в единое целое. Каждая историческая эпоха представляет свойственные только ей культурные традиции, представляющие запас сюжетов, которые могут быть использованы в дальнейшем для организации событий жизни в истории; другими словами, нарратив дает образы для последующих поколений. Его уникальность заключается не только в простом отражении последовательности событий и их сохранении, но и в возможности изобрести что-то новое. Нарратив не просто регистрирует события, он констатирует их и интерпретирует их как значимые части осмысленного целого. С его помощью мы можем дать объяснение судьбы автора.

Далее в «Очерках», во второй его части, усиливается личностное начало и происходит «субъективация авторского повествования» [2, с. 272]. На последней странице текста 14 раз повторяется авторское «я». «Автобиографический нарратив от первого лица имел в разные времена отличающиеся социальные и познавательные функции: некогда рассказывание о себе было обязательством и повседневной практикой в конструировании приватной и публичной идентичности. <…> Персональные нарративы ценны… “местностью”… укорененностью во времени, месте, личном опыте» [8, с. 41, 67]. Говорить о ком-то невозможно, не коснувшись эпохи. Автобиографизм, персонализм аксаковских «Очерков» проявляется в озвучивании личностной позиции, в заявлении о собственном Я, о проживании ситуации.

В каждом предложении, так или иначе, присутствует ключевое слово «снег». Все переживания автора наполнены «белым мраком», «опускающимися снежинками», «сильно и тихо» идущим снегом, «снежными тучами» и предрассветной «особенной белизной в окнах». Именно с появлением снега к читателю выходит сам рассказчик, вступает в разговор, и повествование «теплеет», становится задушевнее.

Три основных структурных момента нарратива дают нам возможность проследить авторские замыслы.

Первый момент – обращение. Автор текста всегда обращается к определенной аудитории, что, раскрывая направленность речи и обуславливая структуру произведения, показывает особенность «Очерков». Следующим основным моментом являются исторически детерминированные

временем приемы, позволяющие определить специфику текста. Автор – «страстный ружейный охотник». Рассудительно и неторопливо совершается его наблюдение за природой: «если снег к утру перестанет идти, где малик – там и русак» [1, с. 465]. Всего две фразы в тексте передают торопливость и звучание девятнадцатого века: «...я <...> несколько раз выбегал посмотреть»; «...я поспешно схватил со стены мое любимое ружье» [Там же, с. 465–466]. И последний момент: использование языковых средств.

«Очерки зимнего утра» несут некую этическую нагрузку. Автор обращается к метафоре, символу для того, чтобы показать идею направленности взглядов своей картины мира. Читатель вместе с автором стремится на природу, видит ее глазами автора, переживает его впечатления, его тихую радость: «Я всегда любил смотреть на тихое падание или опущение снега. <...> Я вышел в поле, и чудное зрелище представилось глазам моим: все безграничное пространство вокруг меня представляло вид снежного потока, будто небеса разверзлись, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной. <...> Я засмотрелся, заслушался <...>. Я сел против окошка на восток и стал дожидаться света...» [Там же, с. 465–466]. Природа в произведениях Аксакова всегда наполнена тишиной и движением. Она хранит в себе звуки жизни, готовые в любую минуту высвободиться. Автор соединяет в причудливый образ «тихое опущение снега» и наступающие сумерки: «...снег... белым мраком одевал землю» [Там же, с. 464], используя выразительный оксюморон «белый мрак».

Начиная с предложения «Длинна зимняя ночь, и особенно в деревне, где ложатся рано», текст приобретает подвижность «ожившего» существа. «Высыпались снежные тучи», и ключевым словом описания зимней ночи, ассоциативно связанным со снегом, становится «белизна», особенная после снегопада в неясный предрассветный час. Все для слуха автора сливается воедино: ночь, рассвет, огоньки в избах, «гул речей и стук цепов». Он нетерпеливо ворчит на «длинную зимнюю ночь», что, дескать «бока пролежишь» до рассвета, он «всегда просыпался за два часа до зори и любил встречать без свечки зимний рассвет» [Там же, с. 465]. Окружающее пространство заполняется звуками, как явлениями природы, живущими своей жизнью без участия человека. Мир состоит из вырастающих из темноты предметов, их цвета и теней: «...показалась особенная белизна в окнах, побелела изразцовая печка, и обозначился у стены шкаф с книгами <...> в другой комнате... уже топилась печка» [Там же].

Использование возвратного глагола «топилась» подчеркивает значимость этого действия: будто сама по себе топилась, без участия человека, который лишь наблюдает происходящее. «Но белый день вступал в свои права, и освещение от топящейся печки постепенно исчезало» [Там же, с. 466]. Автор околдован утренней тишиной, он погружается в свои мысли «какие-то неясные, полные неги», подступающие к нему с рассветом. На короткое время субъективное «я» растворяется в тексте: «Как хорошо, как сладко было на душе! Спокойно, тихо и светло!» [Там же]. Автор переполнен «теплыми мечтами» и воспоминаниями.

Кажется, вот-вот читатель услышит непревзойденного Аксакова-рассказчика…

«“Лошади готовы: пора, сударь, ехать!” – раздался голос Григорья Васильева <…>. Этот голос возвратил меня к действительности» [Там же]. Словно из-под земли выросший Григорий Васильев (имя Григорий в переводе с греческого означает – быстрый), о котором и речи не было, будто он нечаянный рассветный гость, или сам рассвет, возвращает и нас, читателей, к действительности: «пора… ехать!»

В «Очерке зимнего дня» С.Т. Аксаков «воплощает особый ход мысли», свое индивидуальное видение как личный стиль и «особый ход художественных ассоциаций, ему присущий» [5, с. 20]. Рисуя картину зимнего дня, автор применяет скромные, но точные изобразительные средства, позволяющие читателю «вступить» в произведение и сопереживать происходящее вместе с рассказчиком.

Библиографический список

1. *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М., 1956.
2. *Горшков А.И.* Русская словесность: от слова к словесности: учебное пособие. М., 1995.
3. *Манн Ю.В.* Аксаков Сергей Тимофеевич // Русские писатели: биографический словарь: В 2 т. М., 1990. С. 20–24.
4. *Машинский С.И.* С.Т. Аксаков: жизнь и творчество. 2-е изд. М., 1973.
5. *Минералов Ю.И.* Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность). М., 1999.
6. *Петренко Н.С.* К проблеме нарратива в методологии истории // Философские науки. 2000. № 1. С. 108–116.
7. *Раушенбах Б.В.* Точные науки и науки о человеке // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 107–113.
8. *Трубина Е.Г.* Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург, 2002.

References

1. Aksakov S.T. Sobraniye sochineniy [Collection of works]. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, 1956.
2. Gorshkov A.I. Russkaya slovesnost: ot slova k slovesnosti [Russian literature: From word to literature]. Textbook. Moscow, 1995.
3. Mann Yu.V. Aksakov Sergei Timofeevich. *Russkiye pisateli: biograficheskiy slovar.* In 2 vols. Moscow, 1990. Pp. 20–24. (In Rus.)
4. Mashinskiy S.I. S.T. Aksakov: zhizn i tvorchestvo [S.T. Aksakov: Life and work]. 2nd ed. Moscow, 1973.
5. Mineralov Yu.I. Teoriya khudozhestvennoy slovesnosti (poetika i individual’nost) [Theory of literature (poetics and individuality)]. Moscow, 1999.
6. Petrenko N.S. On the problem of narrative in the methodology of history. *Epistemology & Philosophy of Science.* 2000. No. 1. Pp. 108–116. (In Rus.)
7. Raushenbakh B.V. Exact sciences and human sciences. *Voprosy Filosofii.* 1989. No. 4. Pp. 107–113. (In Rus.)
8. Trubina Ye.G. Rasskazannoye Ya: otpechatki golosa [Narrated Me: Voiceprints]. Yekaterinburg, 2002.

Статья поступила в редакцию 31.10.2022, принята к публикации 25.01.2023
The article was received on 31.10.2022, accepted for publication 25.01.2023

Сведения об авторах / About the authors

Угрюмов Владимир Евгеньевич – кандидат филологических наук; доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет

Vladimir E. Ugryumov – PhD in Philology; assistant professor at the Department of Philology, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University

E-mail: v.u7@mail.ru

Ковыршина Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин факультета правоохранительной деятельности, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказания, г. Новокузнецк

Svetlana V. Kovyrshina – PhD in Philosophy, Associate Professor; assistant professor of the Department of Humanities, Socio-Economic and Natural Sciences, Faculty of law enforcement activities, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk

E-mail: kov.s.v@mail.ru